

Научная статья

УДК 340.01

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-44-49>

Социокультурная антропология права как историко-правовая методология

Илья Львович Честнов¹, доктор юридических наук, профессор**Ирина Борисовна Ломакина²**, доктор юридических наук, профессор

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
Санкт-Петербург (191104, Литейный проспект, д. 44), Российская Федерация
¹ ichestnov@gmail.com, ² lomakina7311@gmail.com

¹ <https://orcid.org/0000-0003-2083-5876>, ² <https://orcid.org/0000-0002-9232-949X>

Аннотация:

Введение. Авторы статьи раскрывают перспективы социокультурной антропологии права как историко-правовой методологии. Современная история и история права становятся важнейшей дисциплиной в политике образования. В то же время содержание истории (и истории права), ее методология изменяется в связи с процессами и явлениями, происходящими в постсовременном обществе.

Методы. В истории (и истории права) во второй половине XX века возникают и активно развиваются новые методологические подходы, которые задают онтологию восприятия и оценки прошлого: история ментальностей и историческая антропология; история понятий и дискурса; новая интеллектуальная история; нарративная история; микроистория; устная история и др.

Результаты. Авторы приходят к выводу, что адекватное изучение истории права сегодня основывается на новых подходах, акцентирующих внимание на правосознании, конструировании правовой реальности и социальных аспектах правопорядка. В качестве принципов новой, постклассической социокультурной исторической антропологии права авторы выделяют следующие. Во-первых, признание человека основой правовой системы. Во-вторых, акцент на практиках, которыми люди во все времена конструируют и воспроизводят правовую реальность. В-третьих, необходимость анализа правосознания правящей элиты, основных референтных групп, правоприменителей и обывателей (обыденного правосознания), соответствующей эпохи и данного социума. В-четвертых, контекстуальность, обуславливающая все правовые инновации. В-пятых, исследование эффективности изучаемых правовых институтов.

Вывод. Такая программа позволяет дать максимально полную картину исторического прошлого.

Ключевые слова:

история права, антропология права, социокультурная антропология права, историческая социокультурная антропология права, историко-правовая методология

Для цитирования:

Честнов И. Л., Ломакина И. Б. Социокультурная антропология права как историко-правовая методология // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 44–49. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-44-49>.

Статья поступила в редакцию 02.03.2025;
одобрена после рецензирования 08.05.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Sociocultural anthropology of law as a historical and legal methodology

Ilya L. Chestnov, Doc. Sci. (Jurid.), Professor**Irina B. Lomakina**, Doc. Sci. (Jurid.), Professor

^{1,2} Saint Petersburg Law Institute
(branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
44, Liteyny Ave., Saint Petersburg, 191104, Russian Federation

¹ ichestnov@gmail.com, ² lomakina7311@gmail.com

¹ <https://orcid.org/0000-0003-2083-5876>, ² <https://orcid.org/0000-0002-9232-949X>

© Честнов И. Л., Ломакина И. Б., 2025

Abstract:

Introduction. *The authors of the article reveal the perspectives of sociocultural anthropology of law as a historical and legal methodology. Modern history and the history of law are becoming the most important disciplines in educational policy. At the same time, the content of the history (and the history of law) and its methodology are changing according to the processes and phenomena taking place in post-modern society.*

Methods. *In the history (and the history of law) in the second half of the twentieth century, new methodological approaches emerged and actively developed, shaping the ontology of perception and evaluation of the past: history of mentalities and historical anthropology; history of concepts and discourse; new intellectual history; narrative history; microhistory; oral history etc.*

Results. *The authors conclude that the appropriate understanding of the history of law today is based on new approaches emphasising legal consciousness, construction of legal reality and social aspects of the rule of law. The authors identify the following as the principles of the new, post-classical sociocultural historical anthropology of law. First, the recognition of the human being as the backbone of the legal system. Second, the emphasis on the practices used by people at all times to construct and reproduce legal reality. Third, the need to analyse the legal consciousness of the governing elite, the main reference groups, law enforcers and ordinary people (ordinary legal consciousness), the relevant era and the given society. Fourth, contextuality, determining all legal innovations. Fifth, the study of the effectiveness of the legal institutions under consideration.*

Conclusion. *Such a programme makes it possible to give the fullest possible overview of the historical past.*

Keywords:

history of law, anthropology of law, sociocultural anthropology of law, historical sociocultural anthropology of law, historical and legal methodology

For citation:

Chestnov I. L., Lomakina I. B. Sociocultural anthropology of law as a historical and legal methodology // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 44–49. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-44-49>.

**The article was submitted March 2, 2025;
approved after reviewing May 8, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.**

Введение

История и история права в постсовременном обществе, которое датируется концом XX – началом XXI вв., приобретает новое значение. Сошлемся в этой связи на мнение Председателя общероссийской общественной организации «Ассоциация историков права» Д. А. Пашенцева, который заявляет: «Историко-правовая наука сегодня выходит на иной, чем в прошедшие три десятилетия, уровень востребованности» [1, с. 22]. По нашему мнению, это ко всему прочему связано с тем, что сегодня история активнее, чем прежде (хотя это было всегда) используется в политико-идеологических баталиях в качестве важнейшего способа легитимации государственной власти, «видения и делания» социального мира. Это же относится в еще большей степени к праву: историю привлекают к конструированию желательной для власти и общества (хотя всегда ограниченной структурными рамками контекста и фактическими возможностями) правовой реальности. А этот процесс практически всегда предполагает использование истории. По мнению Д. А. Пашенцева, роль истории права также связана с тем, что «глобальные трансформации актуализируют вопросы сохранения исторической памяти и исторического наследия» [1, с. 22]. Не случайно изучение и преподавание истории (включая все виды исторических и историко-юридических дисциплин) сегодня становится одним из главных направлений в политике образования.

Методы

В связи с этим возникает важнейший и сложнейший вопрос: как следует описывать и объяснять (или понимать) прошлое (историю, включая историю права), а также преподавать эту дисциплину? Сложность усугубляется тем, что «классический» подход к изображению исторического прошлого претерпел глубокие изменения в конце XX – начале XXI вв. Вызовы современного мира вынуждают пересмотреть методологию историко-правовых исследований, справедливо утверждает Д. А. Пашенцев в своей программной статье [2, с. 5–13]. История как знание о том, что было «на самом деле» (в этом состояла программа Л. фон Ранке, с именем которого связывают институционализацию исторической науки в XIX веке)¹, трансформируется в многогранное, использующее междисциплинарную методологию предприятие по конструированию образа прошлого, отвечающего критериям когерентной и прагматической истины. «Историко-правовые исследования должны стать мультидисциплинарными, – заявляет Д. А. Пашенцев, – историк права наряду с использованием специальных юридических методов вынужден сегодня обращаться к социологии и исторической антропологии, ему требуются сведения, полученные специалистами по этнографии и исторической психологии. Историко-

¹ История, по мнению Х. Уайта, одного из ведущих историков конца XX – начала XXI вв., как профессиональная деятельность и научная дисциплина возникла в середине XIX века в качестве «политики интерпретации» и «блюстителя реализма в политическом и социальном мышлении» (См.: Уайт Х. Практическое прошлое / пер. с англ. К. Митрошенкова, А. Арамяна; предисл. А. Олейникова. Москва: Новое литературное обозрение, 2024. С. 19–20).

правовая наука приобретает тот междисциплинарный характер, который определяется переходом к постклассическому этапу развития научной рациональности» [3, с. 391].

Заметим, что корреспондентской истины в исторических (и историко-правовых, как и в юридических) исследованиях достичь невозможно «по определению», т. к. исчерпывающе полная картина прошлого недостижима, хотя во многих случаях имеющейся информации достаточно для формирования адекватного представления о прошедшем, как и для разрешения так называемых «простых юридических дел». «Знание истории всегда фрагментарно, неполно, частично», – утверждает Х. Уайт [4, с. 105]. Соотнесение с другими образами прошлого и убедительность представления информации обеспечивает когерентность и прагматичность как важные сегодня критерии научности исторических (и не только исторических) исследований. Это не означает, что принцип верификации благополучно забыли. Вовсе нет. Однако современные историки и юристы понимают, что его нужно дополнять неклассическими или постклассическими критериями научности.

Все это приводит к тому, что в истории (и истории права) во второй половине XX века возникают и активно развиваются новые методологические подходы, которые задают онтологию восприятия и оценки прошлого: история ментальностей и историческая антропология; история понятий и дискурса; новая интеллектуальная история; нарративная история; микроистория; устная история и др. Почему традиционная или классическая история права не в полной мере удовлетворяет запрос на исторические исследования? Дело в том, что изучение права прошлого практически всегда ограничивалось описанием и комментированием действовавшего в соответствующую эпоху законодательства (включая, разумеется, и иные формы внешнего выражения нормативности права, правовые обычаи, мифы и ритуалы, свойственные, например, архаичным обществам и их квазиправовым системам). «Традиционно историко-правовая наука, – пишет Д. А. Пашенцев, – главное внимание уделяла нормам и институтам, при этом не всегда удавалось проследить практическую реализацию этих норм. В итоге реальная правовая жизнь того или иного конкретного исторического периода оставалась до конца не познанной учеными» [3, с. 390]. Очевидно, что правовая реальность (или система) – это отнюдь не только нормы законодательства, тем более, что в некоторых случаях, например, применительно к законам Хаммурапи, вопрос об их действительности (фактическом или социальном действии) остается открытым. В этой связи невозможно не согласиться с мнением Д. А. Пашенцева о том, что «задача историко-правовой науки на современном этапе состоит в том, чтобы реконструировать реальную правовую жизнь прошлого, показать особенности правосознания и правового поведения в каждую конкретную историческую эпоху. При этом стоит учитывать, что содержание памятников законодательства, привлекающее внимание историков права, в первую очередь может иметь к реальной правовой жизни достаточно опосредованное отношение» [5, с. 46].

Результаты

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что адекватное изучение истории права сегодня основывается на новых подходах, акцентирующих внимание на правосознании, конструировании правовой реальности и социальных аспектах правопорядка. Такой подход вслед за выдающимся отечественным медиевистом А. Я. Гуревичем уместно назвать «тотальным» (или «глобальным») историческим синтезом, который «начертали на своем знамени» представители Школы Анналов [6, с. 283]. Смысл состоит о том, чтобы «не раскладывать изучаемые явления по отдельным полочкам», но выявлять «глубинные, сущностные связи между ними. Прежде всего речь идет о преодолении разобщенности между материальной и духовной сторонами общественной жизни, о понимании их в качестве разных ипостасей социальной истории». При этом возможны два подхода: «в явлениях ментального порядка искать отражения социальной жизни; или ... устанавливать воздействие идеальных мотивов на материальную действительность» [6, с. 284].

Такой «тотальный» подход по большому счету – это не отбрасывание классических исторических методов, используемых в историко-правовых исследованиях, но их дополнение постклассическими приемами и способами экспликации смысла прошлого. Принципами постклассической историко-правовой науки, по мнению Д. А. Пашенцева, являются: «междисциплинарный характер исследований, основанный на понимании сложных взаимосвязей между различными сферами научного знания о праве; понимание того, что личность исследователя-правоведа неотделима от исследуемых процессов, происходящих в правовой сфере, и получаемых научных результатов; осознание аксиологического значения получаемого нового теоретико-правового знания; отрицание жесткого детерминизма в трактовке правовых явлений; трактовка права как открытой динамической системы, активно взаимодействующей с окружающей социальной средой; признание многомерности и сконструированного характера правовой реальности и т. д.» [2, с. 7].

Именно смыслы и значения (которые, с нашей точки зрения отличаются индивидуальным характером для первых и социальностью для вторых) образуют содержание социальных явлений и процессов, включая, несомненно, и право. Постклассическая наука тем и отличается от классической, что она нацелена на выявление смыслов и значений, приписываемых людьми – акторами (участниками социальных взаимодействий) своим действиям, поступкам других людей, результатам человеческой деятельности, природным явлениям и процессам, всему, что окружает человека в его повседневной жизни, в соотношении с представлением о том, как все это должно восприниматься – в соотношении с позицией внешнего наблюдателя, с официальной инстанцией, объективированной в т. ч. в нормах права. Другими словами, внутренняя позиция актора (в нашем случае – участника правовых взаимодействий), дополненная внешней точкой зрения (нашими представлениями о ней) и ситуацией или контекстом образует контрапункт постклассической науки, включая науку историко-правовую, изучающую юридически значимое прошлое.

В связи с этим требуется четко обозначить свою позицию по поводу содержания антропологии права как таковой и исторической антропологии права в частности. Дело в том, что имеет место несколько антропологий, т. е. существуют различные подходы к конструированию предмета этой дисциплины, включая историко-правовую антропологию. Антропология XIX века, которая включала в себя политико-правовое измерение, была ориентирована, с одной стороны, на универсальность человека, его разум как гуманистический идеал и эпистемологическую аксиому: предполагалось не только то, что люди рождаются равными (и это величайшее достижение, которое не ставится под сомнение и сегодня, правда критерии равенства всегда вызывали и вызывают «сущностную оспоримость»). С другой стороны, эта же программа использовалась в освоении и колонизации незападного мира как «миссия белого человека». В результате западные образцы, воспринимаемые до определенного времени как универсальные и прогрессивные, навязывались всем незападным народам в надежде на их аккультурацию.

Во второй половине XX века такой подход признается устаревшим и противоречащим принципам культурного равноправия: нет «некультурных» или «нецивилизованных» народов и их культур, все они самоценны и самодостаточны. Одновременно были поставлены под сомнение модернистские критерии социального прогресса. При этом нельзя не отметить, что такой новый подход чреват серьезными проблемами, главнейшая из которых – культурный релятивизм. Все ли культуры (сообщества) должны признаваться самодостаточными цивилизованными образованиями и в их отношении проводиться политика невмешательства, если, например, некоторые из них проводят геноцид малых групп, проживающих в границах данного сообщества, или практикуют каннибализм? Применительно к истории права эта проблема связана с оценкой соответствующих практик, имеющих, очевидно, в т. ч. юридическое значение. Сложность усугубляется тем, что универсальных и одновременно содержательных критериев такого рода оценок выработать в принципе невозможно (например, категорический императив наполняется конкретным содержанием только в соответствующем историческом и социокультурном контексте: с позиций сегодняшнего дня многие практики инициации, исповедуемые в прошлом, признаются недопустимыми, однако в иные времена воспринимались как само собой разумеющееся). Все это свидетельствует о том, что социокультурная антропология истории права всегда должна эксплицировать контекст объекта проводимого исследования, трансформируемого тем самым в предмет.

Каковы методологические принципы исторической социокультурной антропологии права?

Во-первых, это признание человека центром правовой системы, правовой реальности. Именно люди конструируют и воспроизводят право, наделяя юридическими значениями и смыслами некоторые социальные и природные явления, события и процессы.

Во-вторых, люди совершают все это практиками, поэтому историческая социокультурная антропология права призвана исследовать этот практический или прагматический аспект. «Именно правовое поведение, – пишет Д. А. Пашенцев, – применительно к той или иной конкретной исторической эпохе может выступать главным предметом историко-правового исследования, отвечающего принципам постнеклассической научной рациональности. ... Предмет историко-правовой науки на современном этапе её развития – правовая жизнь прошлого, конструируемая повседневными действиями субъектов права и обусловленная большим количеством не правовых и даже иррациональных факторов, тесно взаимосвязанная с правосознанием и правовым поведением» [5, с. 47, 49]. В то же время важно учитывать взаимодополнительность, о которой упоминалось выше, поведенческих и психических моментов: одно всегда связано с другим (поступок человека мотивируется психикой, которая, в свою очередь, обуславливается поведением).

В-третьих, необходимо соотносить формальную определенность как важнейший принцип права (хотя его достижимость всегда относительна) с правосознанием властвующей элиты, основных референтных групп данного общества, юристов-практиков и широких слоев населения.

В-четвертых, для адекватного исследования истории правовой реальности необходим анализ исторического и социокультурного контекста в диалогической взаимосвязи с днем сегодняшним. Какие внешние факторы способствовали принятию того или иного нормативного правового акта? Какие идеи закладывали авторы правовой инновации в ее форму? Как оценивали принятие нового нормативного правового акта разные социальные группы? Как он реализовывался на практике? Это важный и сложный вопрос, требующий специального рассмотрения. Сейчас же заметим, что все нормы, закрепленные в законодательстве, реализуются не сами по себе, автоматически, а зачастую через их конкретизацию в подзаконных нормативных правовых актах и всегда через правовые обычаи-практики, а также навыки и умения правоприменителей и обывателей.

В-пятых, социокультурная историческая антропология права должна ответить на вопрос о том, какова эффективность изучаемой правовой инновации? Как она воспринимается с позиций сегодняшнего дня (например, используется в политико-идеологических баталиях)? Эти и другие вопросы настоятельно требуют своего осмысления и образуют проблемное поле исторической социокультурной антропологии права.

Сегодня историко-правовую антропологию достаточно активно развивают в нашей стране и ближнем зарубежье такие авторы, как И. А. Исаев, Д. А. Пашенцев, А. А. Дорская, в частности, применительно к исследованию историко-правовой идентичности через «политики памяти» [7], В. И. Павлов, который провел замечательное исследование византийских корней политико-правовой культуры Белоруссии [8]. Использование антрополого-правовой методологии можно обнаружить в историко-правовых исследованиях В. Г. Графского, который увязывал описание политико-правовых институтов прошлого с правопониманием соответствующей эпохи. Н. В. Разуваев эксплицитно применяет антрополого-правовую методологию к изложению истории римского права [9, с. 299]. С. В. Кодан в последнее время активно разрабатывает междисциплинарную методологию применительно к историко-правовым исследованиям, тем самым имплицитно развивая «тотальный» подход к анализу истории права [10]. Полагаем, что исследования Н. С. Нижник правового регулирования семейных отношений в дореволюционной России [11], а также анализ идей дореволюционных российских специалистов в области полицейского права [12] также можно отнести к антрополого-правовому направлению. Есть и другие интересные исследования, которые находятся в русле исторической антропологии права (некоторую лепту в развитие данного подхода внесли авторы настоящего исследования) [13; 14]. Это свидетельствует о востребованности данной научно-исследовательской программы и ее перспективах.

Требуется уточнения вопрос об институциональном статусе исторической антропологии права. Антропология применительно к истории права, как и антропология права, с нашей точки зрения, – это не самостоятельная научная дисциплина, а именно методология или научно-исследовательская программа [15, с. 106]. Социокультурная антропология права – это постклассический подход к постсовременной юриспруденции, сама юридическая теория, фундированная человекомерностью в контексте правовой культуры, а историческая социокультурная антропология права – это такой подход к исследованию правового прошлого, который акцентирует внимание на правовой ментальности людей, конструирующих и воспроизводящих правовую реальность в историческом и социокультурном контексте соответствующей эпохи [16, с. 117].

Важность антропологической методологии применительно к историко-правовым исследованиям состоит в том, что лишь она позволяет дать полную (насколько это возможно) картину прошлого: эксплицировать не только законодательство и юридическую догматику, прежде всего, технику его толкования, но и показать, как формировалась и воспроизводилась правовая система данного социума [17, с. 142]. Это в свою очередь предполагает анализ того, как воспринимались внешние факторы, выступающие источником права (в социолого-правовом смысле) юридических инноваций властью и основными референтными социальными группами, как воспринимало и оценивало эти инновации население. Только такой подход даст возможность выявить реальную картину юридически значимого прошлого.

3 Заключение

Важность антропологической методологии применительно к историко-правовым исследованиям состоит в том, что лишь она позволяет дать полную (насколько это возможно) картину прошлого: эксплицировать не только законодательство и юридическую догматику, прежде всего, технику его толкования, но и показать, как формировалась и воспроизводилась правовая

система данного социума [17, с. 142]. Это в свою очередь предполагает анализ того, как воспринимались внешние факторы, выступающие источником права (в социолого-правовом смысле) юридических инноваций властью и основными референтными социальными группами, как воспринимало и оценивало эти инновации население. Только такой подход даст возможность выяснить реальную картину юридически значимого прошлого.

Список источников

1. Пашенцев Д. А. Историко-правовая наука в условиях новой научной рациональности / Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций : сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, г. Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г. / под ред. А. А. Дорской, Д. А. Пашенцева. Саратов, 2022. С. 22–27.
2. Пашенцев Д. А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 5–13. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.090>.
3. Пашенцев Д. А. Наука истории государства и права в условиях постнеклассической научной рациональности / Правоприменение в публичном и частном праве : материалы Международной научной конференции, г. Омск, 26 марта 2021 г. Омск : Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2021. С. 389–392.
4. Уайт Х. Практическое прошлое / пер. с англ. К. Митрошенкова, А. Арамяна ; предисл. А. Олейникова. Москва : Новое литературное обозрение, 2024. 192 с.
5. Пашенцев Д. А. Антропоцентризм как преодоление нарратива в историко-правовых исследованиях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 44–50. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2022-3-44-50>.
6. Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» : [монография]. Москва : Индрика, 1993. 328 с.
7. Дорская А. А. Переживание истории как фактор самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение : монография. Санкт-Петербург : Астерион, 2023. 176 с.
8. Павлов В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования : монография. Москва : Юрлитинформ, 2021. 560 с.
9. Разуваев Н. В. Договорные обязательства в римском частном праве: социально-антропологический аспект // Антропология права: постклассическая научно-исследовательская программа : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург : Алетей, 2025. С. 299–347.
10. Кодан С. В. Научная деятельность в сфере юриспруденции: методологические проблемы технологизации и технологий // Юридическая деятельность: содержание, технологии, принципы, идеалы : монография / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. Москва : Проспект, 2022. С. 33–61.
11. Нижник Н. С. Год 1917: начало революции в семейно-брачных отношениях // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 25–31.
12. Нижник Н. С. Омnipотенция полицейского государства в оценке российской полицейстики // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 67–86.
13. Честнов И. Л. Историко-правовая наука в поисках исторического синтеза // История государства и права. 2024. № 3. С. 28–35. <https://doi.org/10.18572/1812-3805-2024-3-28-35>.
14. Ломакина И. Б. Понимание первичных источников права: антрополого-правовой подход // Криминалист. 2020. № 4 (33). С. 37–43.
15. Ломакина И. Б. Когнитивное измерение права: антрополого-правовой подход // Криминалист. 2022. № 1 (38). С. 105–111.
16. Честнов И. Л. Постклассическая юридическая антропология: предметно-методологическая и институциональная проблематизация // Антропология права: постклассическая научно-исследовательская программа : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург : Алетей, 2025. С. 17–27.
17. Ломакина И. Б. Постклассическая социокультурная антропология как ответ на вызов постгуманизма // Антропология права: постклассическая научно-исследовательская программа : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург : Алетей, 2025. С. 142–164.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.